

УДК: 821.161.1.0

DOI 10.23951/1609-624X-2019-6-28-37

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ И Л. Н. ТОЛСТОЙ: ОПЫТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИДЕЙ

Е. И. Пацьорка^{1,2}, А. Н. Кошечко¹

¹ Томский государственный педагогический университет, Томск

² Томский экономико-промышленный колледж, Томск

Введение. Воззрения Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого зачастую противопоставляются друг другу не столько в силу их разноректорной направленности, сколько на религиозно-философских основаниях. В частности, их педагогические взгляды имеют больше точек соприкосновения, чем это признается в научно-исследовательских работах на сегодняшний день, в силу отсутствия реконструированной воспитательной модели, принадлежащей Ф. М. Достоевскому.

Целью настоящей работы является выявление основных доминант педагогических воззрений Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого посредством сопоставительного анализа.

Материалы и методы. В исследовании используются сравнительно-сопоставительный, аналитико-описательный, биографический методы.

Результаты и обсуждение. Проведенное исследование позволило выявить основополагающую идею писателей, связанную с утверждением идеально-гармоничной природы ребенка, поэтому первостепенной задачей воспитания представляется не разрушить это личностное ядро. Формирование структуры личности не осмысливается ни Достоевским, ни Толстым как самодостаточный и замкнутый процесс. Внутренний потенциал ребенка раскрывается через взаимоотношения с внешним миром в ситуациях ценностного выбора, которые проявляются на трех уровнях: семья, религия, общество. Обозначенные элементы обладают разной иерархической взаимосвязью в педагогической мысли писателей. Но иерархическая структура, базирующаяся на этих воспитательных доминантах, является основополагающим элементом индивидуальной педагогической системы, претерпевающей в силу этого личностное переосмысление.

Заключение. Проведя сопоставительный анализ педагогических концепций воспитания Достоевского и Толстого, можно отметить, что взгляды писателей, с одной стороны, исходят из принципов любви, неоспоримого влияния «отцов», веры в идеал земного совершенствования человеческой природы, народных ценностей как неперемennого условия становления личности, а с другой стороны, имеют определенные различия, воплощенные в формах достижения педагогического идеала, не противоречащего естественной гармонии ребенка. Педагогические идеи двух выдающихся писателей XIX в. являются ресурсом для реализации содержания образования 2010-х гг., в котором, во-первых, человек провозглашается высшей ценностью, во-вторых, все принципы и методы воспитания нацелены на формирование духовно-нравственной личности за счет нацеленности на активизацию ее творческой деятельности, саморазвития, самосовершенствования, в-третьих, признается право ребенка на индивидуальность. Этим определяется практическая значимость статьи.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, «Дневник писателя», «Ясная поляна», «Исповедь», «Путь жизни», «Неизбежный переворот», педагогические идеи, личность, ценности, духовно-нравственное воспитание, родители, учитель, духовность, нравственность, свобода, семья, религия, православие, народ.

Введение

Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой были современниками, полнотой своей личности и творчества оказавшими большое влияние на развитие критической и философской мысли в России. Проблема творческих и мировоззренческих взаимосвязей писателей является актуальной и осмысливаемой, начиная с работ религиозных философов XX в. Так, Д. С. Мережковский утверждал, что если бы «...в литературе всех веков и народов пожелали мы найти художника наиболее противоположного Л. Толстому, то нам пришлось бы указать на Достоевского. Я говорю – противоположенного, но не далекого, нечуждого, ибо часто они соприкасаются...» [1, с. 142].

Это «соприкосновение» можно увидеть, обратившись к педагогическим взглядам и идеям вос-

питания, проявившимся как в творчестве, так и в мировоззренческой позиции писателей.

Педагогическая мысль второй половины XIX в. определяется установкой на поиск новых идеологических и теоретических основ воспитания, обоснованием его национальной специфики и самобытности, осмыслением воспитательно-образовательного идеала. Так, в статье Н. И. Пирогова «Вопросы жизни» 1856 г. в качестве фундамента образования называется общечеловеческое начало (воплощением которого в содержании образования является классическая культура), направленное на воспитание высоконравственной личности. Идеал нравственного воспитания Пирогов видел в христианской религии. В дальнейшем вопрос о приобщении к духовным ценностям был затронут К. Д. Ушинским, считавшим, что нужно начинать

воспитание личности с познания народных начал, так как именно народная почва дает возможность избежать абстрактных идеалов и идей. Обозначив специфику российского воспитания в статье 1857 г. «О народности в общественном воспитании», педагог выделил три его основополагающих принципа: народность, духовность и наука. В качестве первоосновы, закладывающей ценностные доминанты, Ушинский указывает на семейное воспитание, в котором, по его мнению, конкретизируются цели общественного воспитания. При этом педагогическая мысль второй половины XIX в. отталкивается от идеи о субъектной составляющей личности ученика, что нашло отражение, например, в педагогике Н. Д. Добролюбова. Центральной идеей его педагогических воззрений стало представление о разумной природе ребенка, которую он выдвинул в статье «О значении авторитета в воспитании» 1857 г. Воспитание в соответствии с этим должно ориентироваться на развитие «внутреннего человека», избегая авторитарных концепций, направленных на подавление воли ребенка и подчинение его «разумной» воле взрослого.

Основополагающие представления педагогов XIX в. видятся созвучными и взаимосвязанными с идеями воспитания Достоевского и Толстого. Признание за человеком его индивидуальной составляющей гармонично сосуществует в системе взглядов писателей с идеей национального воспитания, духовно-нравственного совершенствования человека. Педагогические сочинения Толстого – это теоретическая основа гуманизации воспитания и обретения духовной парадигмы образования, а также практико-ориентированная воспитательная техника, апробированная в стенах Яснополянской школы. Педагогические взгляды Достоевского не представлены в каких-либо специальных текстах, но их можно найти на страницах его писем, заметок, очерков, художественных произведений. Возможно, именно с этим связано отсутствие широкого распространения воспитательной системы писателя. Причины, побудившие Достоевского обратиться к вопросам педагогики, связаны с социальной ситуацией пореформенной России 1860–1870-х гг., которую писатель характеризует как безыдейную, понимая под этим отсутствие общего мнения и веры.

Как прогрессивные мыслители, Достоевский и Толстой осознавали, что образование и воспитание являются ведущими источниками и средствами развития молодого поколения. Прогрессивные положительные изменения в государстве должны иметь в качестве основы новые, переосмысленные цели и содержания образования и воспитания.

Эти размышления нашли отражение на страницах моножурнала Достоевского «Дневник писате-

ля» и педагогического журнала Толстого «Ясная поляна». Писатели обратились к издательской деятельности в стремлении к диалогу с обществом. Так, предворяя издание журнала, Толстой замечает: «Выступая на новое для меня поприще, мне становится страшно и за себя, и за те мысли, которые годами вырабатывались во мне и которые я считаю за истинные <...> *Всем мнениям я с удовольствием дам место в своем журнале...*» [2, т. 8, с. 19] (здесь и далее в цитатах курсив наш. – Е. П., А. К.). «Дневник писателя» позволил Достоевскому вступить в диалог с современниками. Так, метранпаж М. А. Александров в своих воспоминаниях отмечает: «К концу первого года издания „Дневника“ между Федором Михайловичем и его читателями возникло <...> общение, беспрецедентное у нас на Руси <...> на него смотрели одни как на духовного наставника, другие как на оракула и *просили его разрешать их сомнения насчет некоторых жгучих вопросов времени*. И Федор Михайлович любовно принимал этих своих клиентов и беседовал с ними, читал их письма и отвечал на них...» [3, с. 281].

Вопросы образования и воспитания молодого поколения позиционируются Достоевским и Толстым не просто как актуальные, но определяющие будущее всей России. Видимо, не случайно у писателей появляется сравнение процесса воспитания с воздухом. «Потребность образования лежит в каждом человеке; народ любит и ищет образования, как любит и ищет *воздуха* для дыхания» [2, т. 8, с. 21], – пишет Толстой; чуть позже Достоевский отмечает: «...ребенок, что цветок, что листок, завя-завшийся весною на дереве: ему надо свету, *воздуху*, воли, свежей пищи...» [4, т. 12, с. 132]. «Воздух воспитания» в этих высказываниях понимается как нечто естественно данное личности, поэтому не требующее осмысления и осознания. Но в то же время это понятие взаимосвязано с внешней средой, а значит, педагогический процесс не может быть автономным явлением по отношению к изменчивой социальной действительности.

Материал и методы

В ходе исследования был проанализирован основной корпус текстов, отражающих педагогические представления Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого. Идеи воспитания в творчестве Толстого были рассмотрены на материале публицистических текстов и писем, охватывающих период 1862–1910 гг. Педагогические представления Достоевского были сформулированы на основе глав «Дневника писателя»: «Одна из современных фальшей» (1873), «Мечты и грезы» (1873), «Геркулесовы столпы» (1876), «Обособление» (1876), «Словцо об отчете ученой комиссии о спиритических явле-

ниях» (1876), «О любви к народу. Необходимый контракт с народом» (1876), «Русское решение вопроса» (1877), «Жажда слухов и того, что „скрывают“». Слово „скрывают“ может иметь будущность, а потому и надобно принять меры заранее. Опять о случайном семействе» (1877), «Фантастическая речь председателя суда» (1877), «Опять обособление. Восьмая часть „Анны Карениной“» (1877); эго-документов: записные книжки 1863–1864 гг., письмо к Н. Д. Фонвизиной (1854).

Результаты и обсуждение

Достоевский и Толстой отталкиваются от идеи о внутреннем чистом потенциале ребенка, присущем ему от рождения¹. На этапе детства базовое ядро гармонично-развитой личности уже присутствует в структуре индивидуального развития, что ставит вопрос о функциях воспитания и целесообразности воздействия на личность. В воззрениях Достоевского на основе этой идеи формулируется определение процесса воспитания как сотрудничества, сотворчества, поэтому учитель, родитель, наставник не должен превозноситься над ребенком, но учиться вместе с ним и у него. Так, в февральском номере «Дневника писателя» за 1876 г. в очерке «Геркулесовы столпы» Достоевский пишет: «...если мы учим их чему-нибудь, чтоб сделать их лучшими, то и они нас учат многому и тоже делают нас лучшими <...> мы их должны уважать и подходить к ним с уважением к их лику ангельскому (хотя бы и имели их научить чему), к их невинности...» [4, т. 13, с. 78].

Толстой процесс такого взаимовлияния определяет как образование. Именно образование, а не воспитание ведет к развитию личности как со стороны познавательной, так и со стороны «миросозерцательной». Главной отличительной чертой образовательного процесса, по Толстому, должна стать свобода.

Свобода, по убеждению Толстого, – это отсутствие насилия над личностью и со стороны самой личности. В статье «Неизбежный переворот» (1909): «...истина о том, что любовь есть высший закон жизни человеческой, и поэтому насилие <...> не может быть высшим законом жизни...» [2, т. 38, с. 78] Толстой указывает на необходимость не только для общего социального, но и для духовного блага каждой личности в отдельности свести влияние насилия к позиции непротивления. Н. А. Бердяев обозначил данную доктрину Толстого как «удушение добром» [5], делая акцент на авторитарный стиль, не принимающий во внимание ни правовую сферу, ни нравственно-психологические особенности личности, ни неоднозначность жизненных реал-

лий, не всегда поддающихся моралистическому диктату. Основой для такой категоричности Толстого послужил еще один компонент в его педагогической доктрине – «разумное сознание», о котором он пишет в труде «Путь жизни» (1910): «Истинный закон жизни так прост, ясен и понятен, что людям нельзя оправдывать свою дурную жизнь тем, что они не знают закона. Если люди живут противно закону истинной жизни, им остается одно: отречься от разума» [2, т. 45, с. 21]. «Обнаружение» истинной жизни в человеческой личности уподобляется Толстым процессу рождения, выхода за пределы индивидуального блага и связано с духовным началом в структуре личности. Но «разумное сознание» исключает в этом процессе противоречия и возможность выбора как основу личностного роста.

Свобода разумного человека связана с принципом, который можно сформулировать следующим образом: «чем разумнее, тем свободнее». Н. А. Бердяев отмечает, что природа человека не может быть рационализирована до конца, всегда остается «иррациональный остаток», в котором «источник жизни» [6]. По Достоевскому, иррациональное включает не только подсознание, но сверхсознание, проявляющееся в моменты безграничной свободы.

Автор «Дневника писателя» скептически относится к разуму, обусловленному просвещением, замечая: «...вы думаете, <...> что с получением диплома он тотчас же приобретает незыблемый талисман раз навсегда узнавать истину и избегать искушений, страстей и пороков. Таким образом, все эти кончившие курс наук юноши станут тотчас же, по-вашему, чем-то вроде множества маленьких пап, не подлежащих прегрешению» [4, т. 12, с. 152].

Достоевский отмечал двуединство в понятии «свобода», связывая его не столько с телом человека, сколько с проявлением личностного начала. Внешние атрибуты и проявления свободы писатель характеризовал как «разнузданность», дающую лишь имитацию свободной жизни или выбора. Под категорией свободы он понимал прежде всего внутреннюю свободу, проявление собственной осознанной воли, на что писатель указывает в февральском номере «Дневника писателя» за 1877 г. в очерке «Русское решение вопроса»: «...настоящая свобода – лишь в одолении себя и воли своей, так чтобы под конец достигнуть такого нравственного состояния, чтоб всегда во всякий момент *быть самому себе настоящим хозяином*» [4, т. 14, с. 70].

Достоевский и Толстой осмысливают категорию свободы как один из важнейших принципов воспитания личности. По их мнению, свободы нет в эгоцентризме, истинно свободный человек способен переступить через свое «Я», «одолеть себя», рас-

¹ Под личностным потенциалом мы понимаем прежде всего ценностно-нравственный компонент структуры личности.

крыться и отдаться миру. Но свобода как критерий личностного развития приобретает в трудах Достоевского и Толстого различные векторы реализации. Так, для Толстого свобода выражается в возможности гармоничного развития личности без внешнего насилия, проявляющегося прежде всего во вмешательстве и попытке корректировки тех ценностно-нравственных приоритетов и структур, которые даны ребенку от рождения. Свобода в представлениях Достоевского – это возможность множественного выбора, определяемого совестью и волей человека.

При этом процесс личностного становления не мыслится писателями как изолированное явление. Внутренний потенциал ребенка раскрывается через взаимоотношения с внешним миром не только в рамках процесса образования, но и в ситуациях ценностного самоопределения. В представлениях Толстого этот процесс в развитии ребенка не должен иметь в качестве цели усвоение каких-либо «известных нравственных привычек»¹. Привычки – это социально устоявшиеся нормы, не обладающие свойствами абсолюта. Ребенку в процессе становления «...нужен только материал для того, чтобы пополняться гармонически и всесторонне» [2, т. 8, с. 325]. Фактически уже сама выборка этого жизненного «материала», предназначенного для личностного становления ребенка, есть то, что Достоевский называл «направленностью». В данном случае это понятие можно соотнести с такими процессами, как самоидентификация, самореализация, самооценка. При этом направленность личности, обладая внутренним ценностно-смысловым содержанием, формируется как на сознательном, так и на бессознательном уровне. Одним из самых важных факторов воспитания Достоевский считает именно «направленность», поскольку испорченных и неподдающихся воспитанию детей нет, но есть «только лишь дурно направленные» [4, т. 12, с. 151].

Материал для гармоничного развития личности, в представлениях писателей, задается тремя основными ценностно-мотивационными уровнями: духовность, семья, общество. Эти три элемента присутствуют как в педагогической мысли Достоевского, так и в теории воспитания Толстого, но их понимание различно.

Толстой, выстраивая иерархическую систему воспитания на основе данных компонентов, в качестве первоопределяющего элемента видит семью, затем духовность и общество. Писатель представляет процесс образования в целом как совокупность всех «жизненных влияний». В понимании

Толстого ценностно-нравственная структура личности – это прежде всего отраженное и переосмысленное отношение человека к окружающему миру. Семья в воспитательной системе Толстого стоит на первом месте в силу того, что внутрисемейные ценности и авторитеты дают основу для первого опыта подражания и анализа. Так выстраиваются ценностные доминанты, которые впоследствии соотносятся с образцами, заявленными в религиозном учении и апробируются в социуме.

По мысли Достоевского, ценностная структура определяется иерархически организованной ценностной структурой «Бог–народ–семья» (подробнее об этом см. [7]). В представлениях писателя в процессе личностного становления нужен Другой. Но если у Толстого Другим может стать социальная личность, то у Достоевского Другой в высшем смысле – это Христос. Путь богопознания определяет процесс самопознания через сопричастность с народом как носителем и хранителем духовных и нравственных ценностей православия и через семью как поле этической реализации патриархальных ценностей и устоявшихся доминант [8].

Трансформация общенациональных ценностей является определяющим фактором в процессе трансформации семейных ценностей. Последние, в свою очередь, имеют непосредственное влияние на нравственность, самосознание и самоидентификацию формирующейся личности. Только семья способна сформировать у молодого поколения уникальное единство духовных и витальных ценностей, а также скорректировать аксиологический вектор процессов социального обновления в силу того, что «среди сил, привязывающих человека к родной земле и родному народу, на первом месте стоит семья» [9, с. 86].

Семейное воспитание Толстой считал если не справедливым, то, по крайней мере, естественным, а значит, не противоречащим внутреннему самоцельному ядру личности в процессе духовного становления.

Основополагающим в концепции семьи для писателя стал образ жизни родителей. В рамках семейного воспитания выстраиваются первые ориентиры, формирующие отношение ребенка к самому себе как к личности и социуму в целом. Размышляя об этом, Толстой в дневниках 1900 года обращается к своему детскому опыту взаимодействия с авторитетом взрослого человека: «Вспомнил свое отрочество, главное – юность и молодость. Мне не было вложено никаких нравственных начал – никаких; а кругом меня большие с уверенностью курили, пили, распутничали, били людей и требовали от них труда. И многое дурное я делал, не желая делать, только из подражания большим» [2, т. 54, с. 22]. Ответственность «больших» перед ребенком

¹ Более подробно об этом см. статью Л. Н. Толстого «Воспитание и образование».

осмысливается писателем как главный принцип в системе детско-родительских отношений. Но одним из принципиальных вопросов в размышлениях о семье для Толстого стал вопрос, как освещать жизненный путь юной личности нравственным светом, если взрослые сами не обладают четкими духовно-нравственными ориентирами: «Если бы родители держали его дома, они бы видели *последствия своей безнравственной жизни на своих детях*. Они видели бы себя, как в зеркале, в детях. Отец пьет вино за обедом с друзьями, а сын в кабаке. Отец на бале, а сын на вечеринке. Отец ничего не делает, и сын тоже. А отдай в гимназию, и завешено зеркало, в к[отором] себя видят род[ители]» [2, т. 52, с. 55].

Единственно возможный путь разрешения проблемы, намеченной Толстым, – это работа над собой. Попытка развить и усовершенствовать свою личность не видится Толстому как путь самостоятельного и единоличного движения. При этом неоспоримое достижение личностного идеала невозможно, так как «идеал наш сзади, а не впереди [2, т. 8, с. 324]. Процесс развития личности, по Толстому, не может быть связан и обозначен конечной целью, но само движение в рамках этого процесса является самоцелью личностного роста. В концепции Толстого было намечено во многом непреодолимое противоречие: чем больше человек стремится к самоусовершенствованию как ответу на внутренний запрос, но через социальные требования и нормы, тем он больше отдаляется от гармонично развитого идеала личности. Самоусовершенствование – это работа с вертикалью человеческой жизни, основой для которой не могут стать социальные предпосылки. В поисках нравственной основы родитель может опираться в том числе на своего ребенка, так как «...ребенок стоит ближе меня, ближе каждого взрослого к <...> идеалу гармонии, правды, красоты и добра...» [2, т. 8, с. 325]. Детско-родительские отношения в представлениях Толстого определяются понятием сопричастности между членами семьи. «Большой» не должен воспитывать силой влияния своего авторитета, но может лишь направлять на основе соприкосновения с «первообразом гармонии», заложенным в ребенке.

Главным и непеременимым условием этого Толстой считал атмосферу любви в семье, которую представлял как первооснову семейных отношений для формирования нравственности вопреки разрушительным тенденциям общественного влияния. Семейное воспитание в педагогической концепции Толстого опирается на постулат о внутреннем источнике развития духовно-нравственной основы личности внутри самой семьи, заключенном в ребенке.

Представления Достоевского о семейном воспитании также связаны прежде всего с фигурой

«отца», определяющей вектор развития молодого поколения, так как «...человек, как физически рождающий сына, *передает ему часть своей личности* <...> т. е. входит ** частью своей <...> личности, в будущее развитие человечества» [10, с. 174].

Достоевский указывает на преобладание в обществе «отцов с идеями» и «ленивых отцов».

«Отцы с идеями» являются продуктом социального процесса, обозначенного Достоевским как «обособление»: «...мне все кажется, что у нас наступила какая-то эпоха всеобщего „обособления“. Все обособляются, уединяются, всякому *хочется выдумать что-нибудь свое собственное, новое и неслыханное*» [4, т. 13, с. 91]. Отсутствие осознания общей национальной идеи или невозможность ее выстроить, восполнить в результате глобальной смены реалий приводит к распространению псевдоидей: «Один, наслушавшись, положим, весьма даже не глупых вещей и прочтя две-три умные книги, вдруг сводит все воспитание <...> к семейству на один бифштекс <...> другой, пречестнейший человек сам по себе <...> уже согнал три няньки от своих младенцев: <...> „ее Богородице учит и крестит: помилуй, дескать, господи, папу, маму... ведь настрого запретил! Решаюсь на англичанку“» [4, т. 14, с. 210]. «Прилежное» воспитание, имеющее в качестве основы столь неустойчивые доминанты или, по мысли Достоевского, характеризующееся отсутствием «почвы» (подробнее об этом см.: [11]), приводит к вседозволенности, выражающейся в осознании молодым поколением, что «если нет ничего святого, то, стало быть, можно делать всякую пакость» [4, т. 14, с. 211]. В качестве первопричины этих изменений автор «Дневника писателя» видит отсутствие духовно-нравственной основы в современном семейном воспитании, аксиологический вектор которого определяется искажением «зародившего духа», воплощенного в «собственной вере»: «...никогда не замечалось столько беспокойства, столько метания в разные стороны и столько искания чего-нибудь такого, на что бы можно было нравственно опереться, как теперь» [4, т. 13, с. 114].

Писатель уверен, что не нужно бояться изменений, даже если они ошибочны, а действительность неприглядна: «...человек есть на земле существо, только развивающееся, след., не оконченное, а переходное» [10, с. 173]. Залогом для осознания и исправления «ошибочной идеи» должно быть стремление стать лучше. Необходимость самосовершенствования как базовая основа личности, по мнению Достоевского, формируется бессознательно на этапе подражания родителям: «Наука наукой, а отец перед детьми всегда должен быть как бы добрым, *наглядным примером всего того нравствен-*

ного вывода, который умы и сердца их могут почерпнуть из науки» [4, т. 14, с. 223]. «Переимчивость» ребенка определяет степень ответственности «отцов», на которых возложена постоянная забота о самовоспитании и самодисциплине.

Более характерен для русского общества, по мнению Достоевского, другой тип – «ленивые отцы»: «...стремятся они откупиться от него деньгами, если есть деньги. Если же и деньги не помогают, или, как у многих, их и вовсе нет, то прибегают обыкновенно к строгости, к жестокости, к истязанию, к розге» [4, т. 14, с. 223].

Самоустраняясь от процесса воспитания, «отцы» оставляют умы и сердца молодых людей на «случайность». Лень и отстраненность отцов приводят к отсутствию в жизни ребенка любви, заботы, взаимопонимания – эмоциональной основы личности, во многом первоначально доминирующей, по мнению автора «Дневника писателя»: «Без зачатков положительного и прекрасного нельзя выходить человеку в жизнь из детства, без зачатков положительного и прекрасного нельзя пускать поколение в путь» [4, т. 14, с. 212].

В качестве противовеса разрушительным тенденциям Достоевский называет любовь, просвещение и духовность [12].

По Достоевскому, любовь в семье является оплотом для развития ценностных доминант у ребенка: «Любовью лишь купим сердца детей наших, а не одним лишь естественным правом над ними <...> Если уже перестанем детей любить, то кого же после того мы сможем полюбить и что станет тогда с нами самими?» [4, т. 14, с. 227]. Любовь помогает перешагнуть через собственное эго в стремлении к личностному идеалу, которым, без сомнения, для Достоевского является Христос как высшее воплощение любви.

Семья для Достоевского – это прежде всего духовная общность. Поэтому основой для воспитания порядочной личности должно послужить раннее приобщение ребенка именно в рамках семьи к православию через прочтение священных текстов, уроки Закона Божьего.

В результате сопоставительного анализа концепций семейного воспитания Достоевского и Толстого можно отметить, что взгляды писателей, с одной стороны, исходят из общих принципов любви и неоспоримого влияния «отцов», а с другой стороны, имеют принципиальные отличия. В частности, в формах реализации детско-родительских взаимоотношений. В представлениях Толстого семейство является замкнутой и самодостаточной системой, по Достоевскому, изолировать семью от влияния социальных факторов невозможно. Поэтому в качестве «охранительных» Достоевский рассматривает не только внутрисемейные силы, но и

внешние: многовековая народная культура, духовные ценности православия.

Духовность – еще один уровень, определяющий процесс становления личности [13]. Писатели зачастую обращаются к своему личному религиозному опыту. В своей «Исповеди» 1879 г. Толстой констатирует: «Я был крещен и воспитан в православной христианской вере. Меня учили ей и с детства и во все время моего отрочества и юности. Но когда я 18-ти лет вышел со второго курса университета, я не верил уже ни во что из того, чему меня учили. Судя по некоторым воспоминаниям, я никогда и не верил серьезно, а имел только доверие к тому, чему меня учили, и к тому, что исповедовали передо мной большие; но доверие это было очень шатко» [2, т. 23, с. 39]. В понимании писателя изначальный детский опыт приобщения к религии, даже основанный на правильном личностном примере родителей, может повлечь подмену понятий *вера-доверие*. Вера – это одна из внутренне принятых основ ценностной иерархии личности. Доверие – «до-веры», то есть до истинных ценностей, осмысленных и присвоенных личностью. Главная ошибка родителей – это попытка научения вере, и так как ребенок доверяет «большим», он все принимает, но не может это полноценно вобрать в структуру своей личности в силу отсутствия опыта духовного принятия и переосмысления.

Следующий этап духовного становления Толстой обозначает как «отпадение от веры», которое происходит «от того, что люди живут так, как все живут, а живут все на основании начал, не только не имеющих ничего общего с вероучением, но большею частью противоположных ему; *вероучение не участвует в жизни*, и в сношениях с другими людьми никогда не приходится сталкиваться и в собственной жизни самому никогда не приходится справляться с ним; вероучение это исповедуется где-то там, вдали от жизни и независимо от нее. Если сталкиваешься с ним, то только как с внешним, не связанным с жизнью, явлением» [2, т. 23, с. 39–40]. В силу научения, а не духовного выбора религия и жизненные установки становятся взаимозаменяемыми, но не дополняющими компонентами личностного развития. Религия, в понимании Толстого, должна быть не абстрактным учением, но пережитой истиной, заключенной прежде всего в стремлении к самосовершенствованию. Изменение своей личности – это иерархическая структура, включающая в себя: совершенствование физическое, умственное, эмоционально-волевое, нравственное, духовное. И только последняя ступень связана с осознанием, что лучше нужно быть перед собой или перед Богом, а не перед другими людьми. Именно опыт перехода по ступеням самосовершенствования позволяет раствориться в

истинной вере. В представлениях Толстого религия – это единственное разумное основание воспитания. Но религии нельзя научить, к ней можно лишь приобщиться.

Для Достоевского духовность – неотъемлемая составляющая процесса воспитания. Он апеллирует в том числе и к своим детским воспоминаниям, освещая этот вопрос: «Я происходил из семейства русского и благочестивого. С тех пор как я себя помню, я помню любовь ко мне родителей. Мы в семье нашем знали Евангелие чуть не с первого детства» [4, т. 12, с. 158]. При этом приобщение к религии в рамках семейного воспитания не может стать незыблемой основой для безошибочного опыта взросления. В юности Достоевский, как и Толстой, ощущает чувство разъединения с традиционной религией. Путь духовного совершенствования, по Достоевскому, возможен только посредством личностного присвоения истин через падение и работу над собой в попытке приблизиться к наивысшему нравственному образцу – Христу. Этот опыт осознания и жизненного воплощения религиозного учения становится личностным для Достоевского только после изменения мировоззрения на каторге. В письме 1854 г. писатель, анализируя пройденный путь, формулирует свой «символ веры»: «...сам пережил и прочувствовал это <...> в такие минуты жаждешь, как „трава иссохшая“, веры, и находишь ее, собственно, потому, что в несчастье яснее истина. Я скажу Вам про себя, что я – дитя века, дитя неверия и сомнения <...> Каких страшных мучений стоила и стоит мне теперь эта жажда верить <...> я сложил в себе символ веры, в котором все для меня ясно и свято. Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть» [4, т. 15, с. 96]. Истинна, с точки зрения Достоевского, достижима только через опыт личностного проживания и осмысления, который дает возможность увидеть во Христе, зримом воплощении духа, не просто Богочеловека, но совершенный образ человеческий. Для Достоевского Христос – не просто воплощение внешней цели человеческой жизни, «идеал человека во плоти», он растворен в каждом как имманентная составляющая человеческой природы [14].

Для писателя этап поиска и заблуждений – это неперемный атрибут становления личности, от которого не может и не должно ограждать воспитание. Но именно в познании православных основ формируется ядро личности, необходимое для самосовершенствования на этапе перелома мировоззрения, который, по Достоевскому, наступает неизбежно на жизненном пути каждого. Именно это

помогло самому писателю прийти к осознанию себя, к возврату к истинным ценностям и настоящим приоритетам.

Достоевский и Толстой верят в идеал земного совершенства человеческой природы и предлагают определенные средства на пути жизненных преобразований [15]. Главный принцип этих изменений заключается в осознании, что цель, связанная с наполнением жизни истинным смыслом, требует изменения вектора личностного развития. Но если, по Толстому, «отпадение от веры» – это этап заблуждения, не являющийся частью пути духовного постижения себя и мира в целом, то для Достоевского принять веру в себя можно лишь через роковые минуты личностных изменений. Духовный выбор – неотъемлемый атрибут процесса становления.

Изменения в личности не происходят изолированно [16], поэтому еще одной доминантой в педагогических взглядах Достоевского и Толстого становится внешнее влияние со стороны педагогов, конкретных людей из ближайшего окружения, микро- и макросоциума.

В педагогическом учении Толстого попытка каких-либо социальных институтов скорректировать развитие человеческой личности определяется как насилие. Люди не наделены способностью самостоятельно определять границы добра и зла, а значит, и их критерии, о чем Толстой замечает в дневнике 1898 г.: «Одно из самых обычных заблуждений состоит в том, чтобы считать людей добрыми, злыми, глупыми, умными. *Человек течет*, и в нем есть все возможности: был глуп, стал умен, был зол, стал добр и наоборот. В этом величие человека» [2, т. 53, с. 179]. Пространственно-временные факторы, которыми характеризуется влияние общественного воздействия на «животную личность человека», определяют лишь узкоочерченную перспективу изменения личности. Природа человека стремится к жизни истинной, связанной и определяемой движением по вертикали.

Социальные нормы – надругательство над духовной составляющей человеческой личности, поэтому Толстой акцентирует внимание на том, что человек прежде всего должен руководствоваться тем, что «считает должным перед Богом, перед своей совестью» [2, т. 37, с. 207], а не социальными законами. Общество обладает лишь мнимым знанием о критериях добра и зла, поэтому его влияние на личность оценивается Толстым не как препятствие, но противодействие развитию нового сознания.

В рамках социального воздействия на личность Толстой призывал прислушаться к «могучему голосу народа», сохранившему связь с гармоничной природной первоосновой личности. Социальные

же институты в процессе воздействия на молодое поколение стремятся к возведению его до определенного эталона, заданного общественными нормами, которые, по Толстому, не могут быть объективными.

В размышлениях Достоевского о социальном воздействии нет однозначности. С одной стороны, писатель указывает на опасность влияния со стороны так называемой «роковой среды» (воздействие которой он осознает, в том числе, и на себе). Это понятие включает в себя приоритет материальных ценностей над идеями, отрицание при отсутствии понимания и знания, а причина этого в разрыве с народной средой. С другой стороны, народ тоже является фактором внешнего влияния на личность, но осмысливается писателем как непреходящая основа формирования гармонично развитой личности, ведь без опоры на народную «почву», в отрыве от национальных и культурных традиций создать или восстановить духовно-нравственную основу структуры личности невозможно. Русский народ предстает в тексте «Дневника писателя» как целомудренный, несущий в своей основе незыблемые вековые ценности и приоритеты. Достоевский не идеализирует народную среду (пьянство, сквернословие и т. д.), но при этом их ценности сильны и святы: «...народ такая огромность, что в ней уничтожается, сами собой, все новые мутные потоки...» [4, т. 13, с. 51].

Позиции Достоевского и Толстого в вопросе влияния общества на становление личности, как данной извне социально регламентированной нормы, соотносятся с идеей о насилии над внутренней духовной составляющей. При этом писателям видится естественным обратиться в рамках процесса воспитания к ценностям, сохранившимся в народной среде. Народные ценности лишены всего наносного, временного и за счет этого не противостоят естественному развитию личности. Толстой подчеркивает в народной среде естественность ценностей, их природосообразность, Достоевский силу народа видит в возможностях изменения и обновления. Если Толстой указывает на статику, то Достоевский подчеркивает динамику влияния народной среды на личность как первооснову усвое-

ния и присвоения ценностей в процессе духовно-нравственного воспитания.

Заключение

На основании проведенного исследования можно констатировать, что представления писателей совпадают в понимании иерархической природы становления личности, но отличаются способами воспитания и освоения ценностей. Так, например, «свобода» осмысливается Толстым как результат работы «разумного сознания», которое предопределяет путь человеческого становления. Достоевский же категорию «свободы» в воспитании молодого поколения прежде всего связывал с наличием выбора пути самим субъектом.

Педагогическая мысль Толстого сконцентрирована на анализе путей присвоения существующих идеалов и преобразования их в личностные ценностно-смысловые структуры. Это определяет, что в воззрениях Толстого указывается на единственно правильный путь становления личности. Все, что вне этой направленности, – заблуждение, не дающее возможности личностного становления и требующее возвращения к исконной точке. В представлениях Достоевского воспитание не сводится только к присвоению, но связано с ситуацией выбора, а значит, обозначения личностной траектории движения к идеалу. Последнее не исключает этапа заблуждения и «неправильного» выбора. Но, по Достоевскому, в отличие от Толстого, негативный опыт, «неправильный» выбор – это тоже часть личностного пути, которая рождает раскаяние, покаяние и возможность обрести внутреннюю нравственную основу.

Иерархическая структура воспитательной системы Толстого строится по принципу восхождения, то есть нарастающей общности присвоенных ценностно-мотивационных доминант: «личность – семья – религия – народ». Логика формирования ценностно-смысловой сферы личности, в понимании Достоевского, начинается с приоритета духовного начала, которое через приобщение к ценностям русской культуры и личностное проживание образует целостную мировоззренческую позицию: «Бог – народ – семья – личность».

Список литературы

1. Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. М.: Наука, 2000. 589 с.
2. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М.: Художественная литература, 1928–1964.
3. Александров М. А. Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика в 1872–1881 годах // Достоевский Ф. М. в воспоминаниях современников: в 2-х т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 2. С. 251–325.
4. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. СПб.: Наука, 1988–1996.
5. Бердяев Н. А. Кошмар злого добра // И. А. Ильин: pro et contra. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 2004. С. 658–673.
6. Бердяев Н. А. Русская идея. Миросозерцание Достоевского. М.: Изд-во «Э», 2016. 512 с.

7. Кошечко А. Н. Духовные ценности и их роль в самоопределении личности // Православное наследие как источник духовного и общественного развития России: материалы XXII духовно-исторических чтений памяти равноапостольных Кирилла и Мефодия / под ред. иерея Андрея Носкова. Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2013. С. 34–41.
8. Кошечко А. Н. Формы экзистенциального сознания в творчестве Ф. М. Достоевского: автореф. д-ра филол. наук. Томск: Изд-во ТГПУ, 2015. 37 с.
9. Сухомлинский В. А. К вопросу об организации школ-интернатов [1956 г.] // Советская педагогика. 1988. № 12. С. 22–88.
10. Достоевский Ф. М. Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. // Литературное наследие. Т. 83: Неизданный Достоевский / ред. И. С. Зильберштейн, Л. М. Розенблюм. М.: Наука, 1971. 727 с.
11. Кошечко А. Н., Пацьорка Е. И. Педагогические идеи Ф. М. Достоевского в «Дневнике писателя» (к постановке проблемы) // Вестник Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2018. Вып. 6 (195). С. 105–111. DOI 10.23951/1609-624X-2018-6-105-111
12. Кошечко А. Н. Творчество Ф. М. Достоевского в идейном пространстве гуманистической антропологии русского экзистенциализма // Вестник Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2014. Вып. 9. С. 96–103.
13. Зеньковский В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. М.: Книга по Требованию, 2013. 260 с.
14. Соина О. С., Сабиров В. Ш. Русский мир в воззрениях Ф. М. Достоевского. М.: Флинта: Наука, 2015. 312 с.
15. Струченко С. В. Проблема формирования духовно-нравственной личности в трудах Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого: автореф. канд. пед. наук. Пенза: Пензенский гос. лингвист. ун-т, 2009. 21 с.
16. Сорокоумова Г. В. Изучение личностного потенциала педагогов: учебное пособие по курсу «Психология личности». Нижний Новгород: НФ УРАО, 2010. 280 с.

Пацьорка Елена Игоревна, аспирант, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061); преподаватель, Томский экономико-промышленный колледж (ул. Пушкина, 63, стр. 52, Томск, Россия, 634006). E-mail: patsorka@yandex.ru.

Кошечко Анастасия Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор, директор Международного научно-практического центра аксиологии и методологии духовно-нравственного воспитания, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061). E-mail: Nastyk78@mail.ru.

Материал поступил в редакцию 01.07.2019.

DOI 10.23951/1609-624X-2019-6-28-37

F. M. DOSTOYEVSKY AND L. N. TOLSTOY: EXPERIENCE OF THE COMPARATIVE ANALYSIS OF THE PEDAGOGICAL IDEAS

E. I. Pats'orka^{1,2}, A. N. Koshechko¹

¹ Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

² Tomsk Economical and Industrial College, Tomsk, Russian Federation

Introduction. F. M. Dostoyevsky and L. N. Tolstoy's views are often opposed to each other not so much owing to their multi-vector orientation how many on the religious and philosophical bases. But, in particular, their pedagogical views have more common ground, than it admits research works today, owing to lack of the reconstructed educational model belonging to F. M. Dostoyevsky.

The *purpose* of the work is identification and analysis of the main dominants of pedagogical views of F. M. Dostoyevsky and L. N. Tolstoy by means of the comparative analysis.

Material and methods. Among the methods of the study are: comparative, analytical-descriptive and biographical.

Results and discussion. The conducted research allowed to reveal the fundamental idea of writers connected with the statement of the ideal and harmonious nature of the child, therefore, the paramount problem of education is represented not to destroy this personal kernel. Neither Dostoyevsky nor Tolstoy perceives the formation of a personality structure as a self-sufficient and closed process. The internal potential of the child is realized through relationship with the outside world in situations of value choice which are shown at three levels: family, religion, society. The designated elements have different hierarchical interrelation in a pedagogical thought of writers. But the hierarchical structure which is based on these educational dominants is a fundamental element of an individual pedagogical system undergoing this personal reconsideration.

Conclusion. Having carried out the comparative analysis of pedagogical concepts of education of Dostoyevsky and Tolstoy it is possible to note that views of writers, on the one hand, proceed from the principles of love, indisputable influence of "fathers", belief in an ideal of terrestrial improvement of human nature, national values as indispensable condition for the formation of personality, and on the other hand, have the certain distinctions embodied in the forms of achievement of a pedagogical ideal, the unrepugnant child of natural harmony. The pedagogical ideas of two outstanding writers of the 19th century are a resource for the implementation of the content of education of the 2010s, in which, firstly, a person is proclaimed the supreme value; secondly, all principles and methods of education

are aimed at the formation of a spiritual and moral personality by focusing on the activation of its creative activity, self-development, self-improvement; thirdly, the right of the child to individuality is recognized. This determines the practical significance of the article.

Keywords: *F. M. Dostoyevsky, L. N. Tolstoy, A Writer's Diary, Yasnaya Polyana, Confession, Way of Life, Inevitable Revolution, pedagogical ideas, personality, values, spiritual and moral education, parents, teacher, spirituality, morality, freedom, family, religion, Orthodoxy, people.*

References

1. Merezhkovskiy D. S. L. *Tolstoy i Dostoyevskiy* [L. Tolstoy and Dostoyevsky]. Moscow, Nauka Publ., 2000. 589 p. (in Russian).
2. Tolstoy L. N. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 90 t.* [Complete works: in the 90 vol.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1928–1964 (in Russian).
3. Aleksandrov M. A. Fedor Mikhaylovich Dostoyevskiy v vospominaniyakh tipografskogo naborshchika v 1872–1881 godakh [Fedor Mikhaylovich Dostoyevsky in memoirs of the typographical typesetter in 1872–1881]. *Dostoyevskiy F. M. v vospominaniyakh sovremennikov: v 2 t. T. 2* [Dostoyevsky F. M. in memoirs of contemporaries: in 2 vol. Vol. 2]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990. Pp. 251–325 (in Russian).
4. Dostoyevskiy F. M. *Sobraniye sochineniy: v 15 t.* [Collected works: in 15 vol.]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1988–1996 (in Russian).
5. Berdyayev N. A. Koshmar zlogo dobra [Nightmare of evil good]. *I. A. Il'in: pro et contra* [I. A. Ilyin: pro et contra]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo RHGI Publ., 2004, pp. 658–673 (in Russian).
6. Berdyayev N. A. *Russkaya ideya. Mirosozertsaniye Dostoyevskogo* [Russian idea. Dostoyevsky's world view]. Moscow, Iz-vo "E" Publ., 2016. 512 p. (in Russian).
7. Koshechko A. N. Dukhovnye tsennosti i ikh rol' v samoopredelenii lichnosti [Cultural wealth and their role in self-determination of the personality]. *Pravoslavnoye naslediyе kak istochnik dukhovnogo i obshchestvennogo razvitiya Rossii: materialy XXII dukhovno-istoricheskikh chteniy pamyati ravnoapostol'nykh Kirilla i Mefodiya* [Orthodox heritage as a source of spiritual and social development of Russia: Materials XXII of spiritual and historical readings memory Kirill equal to the apostles and Mefodiy]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo TsNTI Publ., 2013. Pp. 34–41 (in Russian).
8. Koshechko A. N. *Formy ekzistentsial'nogo soznaniya v tvorchestve F. M. Dostoyevskogo*. Avtoref. dokt. filol. nauk [Forms of existential consciousness in F. M. Dostoyevsky's creativity. Abstract of thesis of dr. philol. sci.]. Tomsk, 2015. 37 p. (in Russian).
9. Sukhomlinskiy V. A. K voprosu ob organizatsii shkol-internatov (1956 g.) [To a question of the organization of boarding schools of (1956)]. *Sov. Pedagogika*, 1988, no. 12, pp. 22–88 (in Russian).
10. Dostoyevskiy F. M. Zapisnye knizhki i tetradi 1860–1881 gg. [Notebooks of 1860–1881]. *Literaturnoye naslediyе T. 83: Neizdannyy Dostoyevskiy*. Red. I. S. Zil'bershteyn, L. M. Rozenblyum [Literary heritage T. 83: Unpublished Dostoyevsky. Ed. I. S. Zilberstein, L. M. Rosenblum]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 727 p. (in Russian).
11. Koshechko A. N., Pats'orka E. I. Pedagogicheskiye idei F. M. Dostoyevskogo v "Dnevnikе pisatelya" (k postanovke problemy) [Pedagogical ideas of F. M. Dostoyevsky in "A Writer's Diary" (to the problem statement)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2018, no. 6 (195), pp. 105–111 (in Russian).
12. Koshechko A. N. Tvorchestvo F. M. Dostoyevskogo v ideynom prostranstve gumanisticheskoy antropologii russkogo ekzistentsializma [Dostoyevsky's in ideological space of humanistic anthropology of the Russian existentialism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2014, no. 9, pp. 96–103 (in Russian).
13. Zen'kovskiy V. V. *Problemy vospitaniya v svete khristianskoy antropologii* [Education problems in the light of Christian anthropology]. Moscow, Kniga po Trebovaniyu Publ., 2013. 260 p. (in Russian).
14. Soina O. S., Sabirov V. Sh. *Russkiy mir v vozvreniyakh F. M. Dostoyevskogo* [The Russian world in F. M. Dostoyevsky's views]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2015. 312 p. (in Russian).
15. Strutsenko S. V. *Problema formirovaniya dukhovno-nravstvennoy lichnosti v trudakh F. M. Dostoyevskogo i L. N. Tolstogo*. Avtoref. kand. ped. nauk [A problem of formation of the spiritual and moral personality in F.M. Dostoyevsky and L.N. Tolstoy's works. Abstract of thesis cand. of ped. sci.]. Pyatigorsk, 2009, 21 p. (in Russian).
16. Sorokoumova G. V. *Izucheniye lichnostnogo potentsiala pedagogov: uchebnoye posobiye po kursu "Psikhologiya lichnosti"* [Studying of personal potential of teachers: manual on "Psychology of the Personality"]. Nizhny Novgorod, NF URAO Publ., 2010. 280 p. (in Russian).

Pats'orka E. I., Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061), Tomsk Economical and Industrial College (ul. Pushkina, 63, str. 28, Tomsk, Russian Federation, 634006).
E-mail: patsorka@yandex.ru.

Koshechko A. N., Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).
E-mail: Nastyk78@mail.ru.